

ИНЫЕ ЖАНРЫ...

Милослав ШИМЕК и Йиржи ГРОССМАН

ДВА РАССКАЗА

КАК Я УЧИЛСЯ КУРИТЬ

Что бы ни говорили окружающие, как бы мама ни утирала слёзы, сигарета молодому человеку для совершенства столь же необходима, как верблюду — горб. Правда, импортная жвачка, исправно сидящая на зубах, тоже неотразима, и пузырь, ненароком выпущенный во время разговора с директором школы, производит должное впечатление, однако сигаретка — всё же сигаретка. Совершенно не понимаю, как я тринадцать лет мог без неё обходиться. Хотя уже десятилетним парнишкой я пробовал сосать деревяшки, обмотанные ватой, но это было не то. Попыхивание столь хвалёными камышовыми сигарами, вошедшее у нас в обиход с лёгкой руки крестьянского сына Ланыжа, также не доставило ожидавшегося наслаждения. Казалось бы, верхом совершенства стало изобретение 8-го «В» — вдыхание дыма из короткой трубочки, набитой сухой травой. Обожжённые лица нескольких сотоварищей могли служить достаточным тому опровержением, не говоря уже о том, что некоторых пацанов после нескольких попыток позорно вырвало на школьных задворках. Вскоре все мы, жаждущие курева, осознали, что если хотим овладеть техникой этого искусства без вреда для здоровья, необходимо довериться профессионалу.

И судьба к нам отнеслась благосклонно, забросив в наш класс с началом нового учебного года второгодника Янебу, — более известного, даже среди учителей, под прозвищем Никотин. Это был человек, который, очевидно, кроме курения, больше ничего не умел, зато упомянутым ремеслом владел с мастерством хозяина опиумного притона. Количество выкуриваемых им сигарет было поражающим — и разумеется, уже к концу сентября он успел распродать все учебники, взятые займы у государства, так что из школьных принадлежностей у него остался только мешочек для кедров, битком набитый окурками, которые он по дороге в школу ловко подбирал, накалывая на остро отточенный угольник. Неудивительно, что Янеба и на первый взгляд отличался от своих сверстников. Его фигура сама по себе напоминала недокурную сигарету, а его кепку не без оснований называли «пепельницей». Вдобавок от него исходил запах, как от обильной табачной плантации во время уборки урожая. Одежда потёртая, во многих местах прожжённая, а на животе под кожей вшиты три сигареты — как утверждал Янеба, «на случай провала». Хотя в школе курение жёстко преследовалось и страдающий астмой учитель Рейгон, переодевшись слесарем, проверял мужские туалеты даже во время занятий, к вредной привычке Янебы преподаватели и директор относились снисходительно. Курить ему не разрешалось только на уроках. Однако он выходил из положения, затягиваясь напоследок с приходом учителя, после чего добрых двадцать минут выпускал дым в пенал. Кроме того, сердобольные педагоги каждую минуту посылали его с сообщениями и поручениями, прекрасно понимая, что сразу за дверью Янеба даёт волю своему пристрастию.

Ходили даже сплетни, что какой-то бывший учитель, опечаленный тем, что за день не совершил ни одного доброго поступка, во время второй смены отправил Янебу к близлежащему газетному киоску высматривать, не покупает ли кто из школьников табачные изделия.

Естественно, что Никотин вызвал восхищение в наших сердцах. Вскоре мы готовили за него домашние задания, носили ему завтраки, а счастливцы, которым удавалось их раздобыть, — и «Зарубежные записки» №9/2007

сигареты. Наконец наступил день, которого мы с нетерпением ожидали, – в этот день Янеба на кирпичном заводе за городом должен был научить нас курить. Предполагалось, что нас, школьников, придёт восемь – Лукаш, Паздерка, Пилны, Завоз, Вайс, Дерави, Смолик и я. Однако до цели дошло только шесть человек. У Завоза, к сожалению, умерла тётя, так что наш разочарованный одноклассник вместо курения удивил родственников плачем. Дуралей Паздерка не выдержал мук ожидания и закурил уже в полдень дома в кладовке, где его застукал папаша, пришедший туда отхлебнуть рому. Остальные уже заранее с нетерпением высматривали Янебу – точнее, дым, который неизменно возвещал о его приближении, так что случайному прохожему могло показаться, что приближается не наш товарищ, а паровоз. Ровно в три часа дым прибыл к нам. «Надеюсь, ни один из вас не нарушил моего запрета обедать», – сказал Янеба вместо приветствия и потребовал сдать ему свои запасы курева. Сигареты иностранных марок сразу конфисковал с заявлением, что для нас, начинающих, они слишком крепки. «А что буду курить я?» – спросил Смолик, сын спекулянта, который принёс только пачку «Честерфильда» объёмом сто штук. Янеба протянул ему две своих «Липы». После этого уже ничто не препятствовало нам закурить. Янеба оказался прирождённым педагогом, уделял внимание каждому в отдельности и следил за тем, чтобы мы правильно затягивались. После этого он нацарапал на стене кирпичного завода схему органов дыхания в разрезе, чтобы показать, как лучше всего использовать вдыхаемый дым. Правда, некоторые из нас уже были не в состоянии уделить рисунку должное внимание. Вайса нам даже пришлось sprysнуть водой. Когда он пришёл в себя, то признался, что на обед ел утку, – которая, впрочем, вскоре уже очутилась среди нас. Однако Янеба в тот момент уже зажигал для нас следующую порцию сигарет. Все молчали, поскольку курение не доставляло нам того удовольствия, о каком мы мечтали. В то время как Янеба со вкусом наслаждался «Честерфильдом», нам становилось всё более паршиво. Безбожник Дерави, у которого при нормальных обстоятельствах находились для Бога только презрительные слова, неожиданно начал вполголоса молиться. Абсолютно одурманенный Смолик тихо плакал и искал бумагу, желая написать завещание. Через час уже было всё равно, кто днём обедал, а кто по-стился, и по домам нас развозил Янеба на двухколёсной тележке.

Таким образом, в пресловутый день курить научились только Завоз, которому на похоронах родственники предложили сигарету, чтобы утешить его в горе, и балбес Паздерка, отец которого, потягивая ром, обнаружил, что вдвоём веселее.

КАК Я УЧИЛСЯ ПЛАВАТЬ

Без некоторых замечательных явлений, которыми нас дарит природа, мы могли бы без труда обойтись. Я имею в виду землетрясения, торнадо, саранчу, коровье бешенство, пожары в пампасах, миражи, леших, сенную лихорадку и налоги.

Однако, с другой стороны, в природе есть явления, включая опасные, которые не следует игнорировать или недооценивать. В первую очередь это вода. Может быть, некоторые из вас будут воротить нос, однако следует напомнить, что вода входит и в состав рома. Уже по упомянутой причине с этой стихией нужно обходиться по-доброму. Есть и такие храбрецы, которые с водой на «ты».

Следует признать, что в нашей семье вода не пользовалась особой популярностью. Не то чтобы мы не пили ром – наоборот, в этом отношении не хочу порочить нашу семью. Ведь уже во время завтрака отец нам давал по рюмочке «для прогрева», после чего целый день «прогревался» сам, – однако я имею в виду воду в таком виде, в каком она известна вам, – настоящую ключевую. Именно её родители от нас долго скрывали. Впрочем, это не составляло для них особого труда, поскольку водопровод находился только через двор на террасе соседнего дома, а во время дождя отец уверял, что с неба капает сера. Сегодня, много лет спустя, я с улыбкой вспоминаю, как у нас проходило субботнее купание, – в случае, если оно вообще проводилось: мама наполняла ванну светлым пивом и ополаскивала нас всех, после чего отец приглашал соседей на чёрное тринадцатиградусное пиво «Пятнашки». Любопытно, что соседи ни разу не заподозрили подвоха, хотя дворник Йиха однажды нашёл в своей кружке целлулоидную рыбку и кусок мочалки.

С водой мы, дети, как следует познакомились только в школе. Вначале учительнице показалось подозрительным, что на перемене мы моем руки под струей пива из бутылки, а после того, как однажды во время прогулки пошёл дождь и мы в ужасе закричали: «Сера, сера!» и спрятались в подворотне, она нами заинтересовалась. После длительных расспросов учительница посетила нашу квартиру и за закрытой дверью что-то кричала папе. Содержание их разговора осталось для нас тайной, однако результаты были налицо. Субботние пивные посиделки с друзьями отец отменил, а по окрестностям разнеслось, что мы обнищали. Так что после визита учительницы мы в первый раз купались в воде. Это было приятное ощущение, хотя тянуть из душа было уже не столь приятно, а пену приходилось создавать искусственно при помощи синтетических моющих средств. Зато тело после купания было не таким липким, не говоря уже о том, что к нам меньше привязывались мухи и осы.

А потом наступило лето. Теперь, когда мы уже почти стопроцентно знали, что в реке не сера, а вода, мы не боялись присоединиться к детям на берегу и освежиться, как все остальные. Плескаться в волнах было намного приятнее, чем когда нас отец в жару поливал на балконе охлаждённой бурдой. Жаль было только, что мы не умели плавать. Видите ли, скорость требует пространства, так что, хотя пиво тоже хорошо держит тело, в ванне всё же тесно. Так что мы приветствовали акцию «Каждому гражданину — уметь плавать», которая в нашем районе была запущена на всю катушку. О тренировке нас, юниоров, заботился пенсионер Влчек — бывший пловец-рекордсмен, выигравший в 1916 году особое состязание на выносливость «По-собачьи — до Гамбурга».

Применяемые Влчком методы тренировки с самого начала отличались своеобразием и преследовали ту цель, чтобы мы в воде чувствовали себя как дома. Для этого он нам пошил полиэтиленовые костюмы собственной конструкции, которые по надеванию наполнялись водой через замысловато скрытую карманообразную воронку. «Этот скафандр», — объявил Влчек в начале марта, — «вы будете постоянно носить вместо своей гражданской одежды. Он пошит по последней моде, так что с ним можно не расставаться даже на балу. Только вечером вам разрешается выпустить воду через кран в левой штанине и повесить полиэтилен на вешалку. Однако это не означает, что на ночь вы с водой расстанетесь. Если кто-то хочет достичь моего уровня и когда-нибудь по-собачьи доплыть до Гамбурга, он должен спать в ванне или пластмассовом бассейне, который вам родители с удовольствием купят». После этих слов тренер распрощался с нами на три месяца.

Следует признать, что советы Влчека не встретили в семьях безоговорочного понимания. Некоторые родители не только не купили своим чадам пластикового бассейна, но и запретили детям ходить в кружок плавания.

Остаток нашего отряда встретился с мастером спорта по плаванию Влчком в начале июля у реки, в тех местах, где находилось жилище пенсионера — жилой пароход «Гамбург». По сигналу тренера мы разделись до плавок. Полиэтиленовая одежда успела поспособствовать первым успехам: кое в чём мы уже достигли уровня тренера — наши сморщенные, побелевшие тела почти не отличались от фигуры пенсионера. Не удивительно, что бывший рекордсмен смотрел на нас с восторгом. А потом началась собственно тренировка. «Я вас не буду обучать искусственным стилям», — заявил Влчек. «Кроль, баттерфляй, брасс и плавание на спине — всё это лжестили, выдуманные тщеславными людьми, слепо верящими, что они — властелины природы. Всё это чепуха. Мы — благоразумные люди, поэтому при плавании не будем имитировать ни рыб, ни лягушек, ни, тем более, дельфинов — в общем, животных, тесно связанных с водой. Мы возьмём пример с сухопутных созданий, наших верных друзей — собак». После этого пенсионер швырнул своего кокер-спаниеля в речной поток и показал пальцем на барахтающееся животное: «Посмотрите хорошенько, как это делается. Он плывёт идеальным стилем — то есть по-собачьи!» В этот момент своеобразная метода тренера достигла апогея. Он воодушевился, его глаза заблестели удивительным блеском, и с криком: Делайте, как собачка!», он стал шестом сталкивать нас в воду. Чего нам не очень-то хотелось, поскольку спаниель тем временем подозрительно скрылся в омуте под плотиной. Впрочем, ничего другого, как последовать примеру несчастного создания, нам не оставалось — хотя глубина в тех местах была добрых три метра. Некоторые из нас, стремясь походить на собаку как можно больше и не пойти ко дну,

даже громко лаяли. Вскоре положение стало критическим. Наши конечности, не привыкшие к собачьим движениям, утомились, и мы с трудом хватали ртом воздух. А если кое-кто и добирался до берега, фанатичный тренер, крича, что до Гамбурга ещё далеко, сталкивал его обратно в стихию. Нас охватила паника. Один берег был занят безумным Влечком и контролировался шестом, а другой был для нас недостижимо далёк. Мы держались на поверхности только благодаря силе воли. Не поверите, насколько собачий стиль утомителен. Видя безнадежность ситуации, мы – наверное, инстинктивно – стали звать на помощь. И хотя безумный старик на берегу пытался перекрыть наш призыв весёлой спортивной песней, всё же нашлись граждане, поспешившие нас вытащить. Влечек не знал, против кого обратить свой шест в первую очередь, – против нас или против вновь прибывших, – так что начал им размахивать, как на байдарке. Наши спасители стали отступать, однако на какой-то момент им всё-таки удалось отвлечь внимание сумасброда от берега. Этим воспользовался мой брат, который, очевидно, позаимствовал у кокер-спаниеля больше всех. Он выбрался из воды, на четвереньках добежал до Влечека и изо всех сил вцепился зубами в его икру. Пенсионер выронил шест и, несмотря на ранение, прыгнул в реку и пропагандируемым им стилем скрылся вдали. Мы были спасены, и на этом наши занятия по плаванию бесповоротно закончились.

Неделю спустя мы прочитали в газете, что в Эльбе под Гамбургом рыбаки выловили сома невиданных размеров. Однако нам было об этом кое-что известно.

Перевёл с чешского Святослав Щиголь